Для цитирования: Мальцев Я. В. Четыре процедуры субъективации Я-субъекта // Социум и власть. 2018. № 5 (73). С. 91—99.

УДК 101.1

ЧЕТЫРЕ ПРОЦЕДУРЫ СУБЪЕКТИВАЦИИ Я-СУБЪЕКТА

Мальцев Ярослав Владимирович,
Тюменский государственный университет,
кафедра философии, соискатель.
Российская Федерация, 625003,
г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6.
E-mail: maltsevyaroslav@gmail.com

Аннотация

Предлагаемая вниманию читателя статья затрагивает авторскую теорию четырех родовых путей субъективации в условиях перманентной современности: искусства, психоанализа, философии и любви. Все четыре пути представляют собой автономные практики, находящиеся тем не менее в тесной связи друг с другом и протекающие в случае субъективации осознанно: субъект способен ухватить бессознательное и управлять осознанным, тем самым направляя собственное самоучреждение.

Теоретическим фундаментом статьи послужили работы А. В. Павлова, З. Фрейда, М. Фуко, Ж. Лакана.

Основная цель текста: вернуть картезианскому субъекту и философии актуальность и востребованность.

Ключевые понятия:
современность,
перманентная современность,
субъективность,
картезианство,
психоанализ,
философская практика.

1.

В романе Ж.-П. Сартра «Возраст зрелости» [12, с. 5—315] перед читателем предстает классический расщепленный субъект Ж. Лакана: преподаватель философии Матье оказывается расколот между желаемым и должным (удовольствием и реальностью по Фрейду), между тем, кем ему бы хотелось видеть себя (абсолютно свободной самостью без корней, «своим зароком» [12, с. 54]), и тем, кто он есть («стыдливый буржуа» в определении его брата Жака [12, с. 109]), между желанием обладать женщиной (Ивиш) и несмелостью предъявить свое желание открыто, между долгом жениться и попыткой сбежать от ответственности (даже через кражу и убийство). В итоге мы видим не просто «грязненького» человека, как он есть, как *мы* есть, какого полюбить сложно, но *попробуйтека полюбить именно такого*. Мы видим человека в трагической ситуации асубъективности: Матье проваливается в попытке овладеть собственным зароком (как обозначает это автор).

Вопрос: стоит ли заниматься философией, задавать вопросы о самости, чтобы превратиться в расщепленного, противоречивого подонка? Если философия (и литература) для чего-то и могут служить нам, то для расширения экзистенциального опыта и обретения цельности: познания мироздания, себя и созидания себя как глыбы: мы берем практики, мы конструируем образ, мы достигаем идеала Я, мы познаем черное и белое в мире и идем к свету. И мы даем себе отчет, когда уступаем слабости, чтобы исправиться и стать сильными. Мы обретаем сознание долга и через это обретаем индивидуальное, социальное и профессиональное Я, в противном случае наша свобода превращает нас в ничто и не имеет никакой ценности — она становится отвратительной. Матье и Фандорин — персонажи «высокой» и «низкой» литературы, но в обоих случаях герои, задаваясь вопросами о себе, отвечают на них по-разному. И ответ Фандорина: «Без твердых правил, без власти над самим собой человек превращается в скотину» [1] — ответ, безусловно, кантовский, оказывается в большей степени приличным философу: если мы оказались в мире и существуем в мире, пусть даже он нас не устраивает, у нас остается два пути: либо мы берем себя в руки и пользуемся ускоренной выпиской (как она представлена в фильме «1408» (М. Хофстрём, 2007) — в виде предлагаемой «администрацией» комнаты удавки), либо мы берем себя в руки и, осознавая итоговую бессмысленность всего, производим ревизию социального, производим «переоценку ценностей» под себя и от себя и выбираем себе роль, правила, принципы, и жестко и аскетично вытесываем из себя сверхчеловека, именно в этом обретая смысл бытия: «Попытаться сделать из своей жизни шедевр — занятие

достойное» [9, с. 34]. Идея старая, идея, отвергаемая «осознавшим свою свободу» XX в., пустившимся в дохристианскую вакханалию вседозволенности, но именно в этой идее, кажется, была заключена рациональность: идея выстраданная человечеством, понимающим, что внутри людей находится монстр (У. Голдинг): «Я не знаю, потому что я — это не я. Я делаю всю свою работу, чтобы выйти за пределы собственного "я". Я не верю во взгляд внутрь себя. Если вы заглянете внутрь себя, то вы просто обнаружите там много говна. Я, наоборот, считаю, что мы должны вытащить себя из самих себя. Правда не внутри нас. Она снаружи» [7].

В конечном итоге, как представляется, основная цель философии остается неизменной с момента античности: это стремление вооружить индивида определенным числом предписаний, которые позволяли бы ему действовать в любых жизненных обстоятельствах, не теряя самообладания или спокойствия духа, телесной и душевной чистоты [16, с. 74]. Иными словами: передать вопрошающему о самости «универсальный код всей его жизни» [16, с. 74], помочь индивиду с процессом его субъективации. Отсюда рождаются остальные задачи философского мышления, связанные с миропониманием, мирообъяснением, миросозиданием.

Одна из проблем цивилизации сегодня состоит в том, что в настоящее время люди слишком спешат жить. Они ушли от созерцания, не стремятся познавать жизнь, даже не ставят себе такой задачи: максимальная задача, которая есть у юности, — получить образование как набор знаний и умений, позволяющий быть востребованным на рынке. Школы и университеты все больше ориентируются на рынок, на подготовку кадров для рынка в ущерб как фундаментальным наукам и знаниям, так и самой личности. Подготовить Человека — такой задачи, пожалуй, не ставит перед собой в настоящее время ни одно учебное заведение. «Быть хорошим человеком — не заслуга / не достоинство / не качество», — можно услышать из уст работодателя или учителя. Но «быть хорошим человеком» — это истинное качество и настоящая цель, если мы обратимся к марксизму (живые человеческие индивиды), Канту (деонтология), христианству (завет человека и Бога, личная ответственность перед Всевышним) или античности (epimeleia heautou / забота о себе). И нужно отметить, что «быть хорошим человеком» — это не просто цель или качество, но это задача, требующая наибольшего усилия, проявляющегося и в постоянном размышлении о сути добра и зла, и в постоянном самоконтроле (чтобы сделать правильный выбор), и в необходимой ежевечерней интроспекции, в постановке задач на завтра: учитывая слабость человека, ему необходимо каждое утро учреждать себя наново, стремясь избежать тех ошибок, которые были совершены вчера.

Яркий пример — харизматичный герой А. Пачино в фильме «Запах женщины» (М. Брест, 1992), когда он в сокрушительной для лицемерия образовательной системы речи (и, кстати, речь именно о том, что несмотря на красивые слова в рубрике «Наша миссия», на самом деле ни одно учебное заведение не пытается помочь человеку стать лучше и ориентировать его на развитие субъективности) заявляет: «Я всегда знал, какой путь правильный. Знал всегда, без исключений. Но никогда не шел. Знаете почему? Потому что это было слишком трудно».

Сегодня не учат тому, как делать выбор в пользу правильного пути. Более того, ценности настолько размыты, что правильный путь приравнен к неправильному (какая, в итоге, разница в условиях всеобщего абсурда и неизбежной конечности?) или, по меньшей мере, оба пути релятивны и оцениваются по конечному успеху: «Кто такой учитель гимназии, чтобы оценивать Наполеона?» — спрашивал Гегель. Однако нужно помнить, что Александр мог загораживать солнце Диогену, тем самым мешая последнему смотреть на мир с позиций своих собственных ценностей. Мы можем и должны судить о другом не по его символическому статусу и социальным достижениям, но как о личности, как о человеке (с точки зрения христианства победы Наполеона вели его вовсе не вверх, но вниз), с позиции пустыни: готовы бы мы были оказаться с этим человеком в пустыне, был бы у нас с ним шанс на выживание в экстремальных условиях, когда за социальной шелухой проявляется характер?

Проблемой настоящего является тот факт, что в прошлом оставлено и античное, и христианское наследие, где последнее настаивало на мысли личного договора между Богом и человеком и личной ответственности человека перед Богом. Возможно, была правильна мысль и Канта, и Вольтера о необходимости Бога для широких слоев населения: самодисциплина, подвижническая аскеза требуют развитого ума и воли, потому для большинства проще создать некое пугало, которое бы «заставляло» людей быть более ответственными перед другими. Вместе с тем было бы правильным, если бы с детства, со школы, минуя несущие свои риски религии, через философию, поданную как практика себя, детей приучали к самоконтролю, самоучреждению, давая возможность и навыки вырабатывать собственную субъективность и объясняя, что даже в абсурдной Вселенной человек не должен быть циничен, но обязан нести ответственность за себя и других. Сегодня молодежь стремится как можно раньше начать активную жизнь, что находит поощрение со стороны государства. Молодые люди присоединяются к различным политическим движениям, волонтерским ор-

ганизациям, ищут другие пути встраивания в общество. Это нормальное явление и практика деятельности необходима для формирования будущего гражданина. Однако необходимо учитывать факт, что при этом молодые люди не усваивают, часто оказываются вовсе не знакомы с культурным багажом, который может им понадобиться, если их карьера будет развиваться успешно. Подготовить молодежь, приучить ее к мысли об универсальности этики, о четком разграничении черного и белого — это один из путей как борьбы с коррупцией, так и построения более гармоничного общества.

2.

Известно, что советский дипломат В. Кравченко два раза разочаровался в социальных системах, в которых ему пришлось жить: первый раз в советской, второй раз в американской. Свое разочарование он отразил в двух книгах: «Я выбираю свободу», ставшей всемирно известной, т. к., будучи выпущенной в США, она отвечала задачам информационной пропаганды в «холодной войне», и «Я выбираю справедливость», не получившей подобного признания, потому что ее острие было направлено уже против капитализма. Но наиболее ярким проявлением его разочарования стала выпущенная в себя пуля.

В. Кравченко — это еще один пример асубъективности, потому как основания субъекта не должны находиться вовне: в государстве, в бизнесе, в сексуальном партнере. Как только человек связывает свое бытие с чем-то внешним, он теряет себя и обретает повышенную хрупкость: любые основания помимо *cogito* оказываются преходящими: они способны предавать и ускользать, они гераклитовски текучи и изменчивы, потому невозможно осуществлять привязку Я ни к чему, кроме Я, нет возможности основывать Я ни на чем, кроме самого Я. Итог построения самости — всегда данность самому себе, всегда выход из социальной системы отсчета и обретение *единственности* [18], основанной ни на чем. Я равно Я (И. Фихте).

Выстраивание собственных оснований в себе самом — длительный и сложный процесс, требующий воли быть, воли абстрагироваться от любых форм, подчиняющих себе человека и стремящихся субъективировать его под свои собственные нужды. В указанном романе Сартра есть диалог, в котором один из героев, Брюне, произносит фразу: «Но теперь ничто не может отнять смысл у моей жизни и не помешает ей стать судьбой» [12, с. 124]. Брюне произносит это, говоря о своей связи с Коммунистической партией, связи, придавшей ему основания и форму. Однако проблема заключена в том, чтобы данная форма не оказалась *не его формой*, проблема в том, насколько в подобном случае *наша судьба является нашей, а не судьбой Большого Другого*?

В романе Э. Войнич «Овод» [5] перед нами взаимоотношения героев и лакановского Большого Другого — сетки символических коммуникаций, в которую вовлечен человек и которая его формирует, оказывает на него непосредственное давление, становясь обезличенной Властью, превращаясь в Супер-Эго. Всевластие Большого Другого — стремление человека ассоциироваться с ним, говорить *к* нему, ради него и от его имени — в конечном счете оборачивается против самого человека. Что Монтанелли трижды отрекается от сына ради абстракции, оставляет любимую женщину и в конце концов, несмотря на святую жизнь и любовь сотен людей, приносит несчастье всем близким и сам не обретает покоя. Что революционеры (здесь автор не прорисовывает, т. к. это симпатичные ей герои, но мы понимаем, местами чувствуем и видим) посвящают свою жизнь Великой цели, за которой не видят конкретики: живых человеческих индивидов, как говорил Маркс. Интересен фрагмент, когда Джемма и Овод говорят о решении комитета («“Вы спрашиваете о моем личном мнении, а я пришла говорить с вами от имени комитета”. — “Следует ли заключить из этого, что в-вы расходитесь с м-мнением комитета?”» [5, с. 103]). Комитет — это и есть нечто безликое, что постоянно требует, от чьего имени говорит кто-то. Но в подобных случаях, когда через нас начинает говорить нечто (комитет, партия, религия, правительства, наша фирма), мы утрачиваем собственное Я, собственное бытие и даже право на собственное бытие, на собственную жизнь — мы не принадлежим себе. Мы оказываемся в положении шизофренического субъекта (как в ленте «Психо» (А. Хичкок, 1960 г.) в финальной сцене, где герой говорит то от имени себя, то от имени матери, впадая в раздвоение личности), или объекта (фильмы про доктора Мабузе, где им завладевает Голос) — как бы там ни было, но в момент, когда мы начинаем говорить не от своего имени (даже если этого требует так называемая корпоративная этика), а от имени Чего-то, мы теряем свое Я, объективируемся и уступаем собственную субъективность Другому. Как бы это ни казалось невинным на первый взгляд, последствия подобного много значительнее: мы привыкаем игнорировать Я, говорить от имени Другого, словами Другого, мыслями Другого — усиливается наша склонность к конформизму, мы растворяемся, теряем себя. Здесь нельзя не вспомнить «Почему я отказался от премии» Ж.-П. Сартра — перечитывание, актуализация этой небольшой заметки будет всегда своевременным.

В конце концов задача нашей жизни в том, чтобы освободиться от Большого Другого, в сети которого мы оказываемся неизбежно плотно вовлечены с момента рождения, с момента т. н. социализации.

3.

Именно в связи с этой сверхзадачей индивида — освобождения из сети Большого Другого — оказываются важными такие процедуры субъективации, как искусство, психоанализ, философия и любовь — сферы и процессы, с которыми человек так или иначе соприкасается в течение своей жизни, к которым может прибегать сознательно и которые, в конечном итоге, служат ему для формирования себя и для познания истины о самом себе. Так или иначе, но каждый задается вопросом об истине, а истина — знание, раскрывающее нечто о нас самих: для нас нет никакой пользы знать, что Земля вращается вокруг Солнца, если это не встраивается в нашу личную концепцию соотношения «Я — Мир». В конечном счете, все эти четыре формы субъективации служат способом познания себя, конструированием себя и мира. Мы наиболее полно раскрываемся через них и заявляем миру о собственном бытии, либо же бытию позволяем говорить через себя, осуществляя некоторую практику. Либо же мы сдаем своеобразный экзамен на то, что значит быть: на самом деле мы никогда не знаем собственных оснований и смыслов, кроме тех, что задаем и познаем сами, но мы можем оказаться вписанными в какой-то план, ибо искусство и философия показывают нам, что нечто приходит к нам независимо от нас и говорит через нас. И основания этого нечто, которые старается объяснить наука, до конца объяснены быть не могут.

Искусство говорит само за себя, находясь в «просвете бытия», как сказал бы Хайдеггер. Это первая форма выражения себя перед миром, первая форма раскрытия и терапии. Выплескивая себя в акте творчества, человек оправдывает свое существование для самого себя, оказывается полезным для других, участвует в со-творении культуры. Искусство — форма сублимации, форма терапии, делающая для человека переносимым его собственное существование. Это форма вопрошания и ответа. Высшая степень реализации человеком своего потенциала как мыслящего существа.

Искусство одновременно является и симптомом, и лечением. Оно отражает болевые точки автора, болевые точки эпохи, обрисовывает ситуацию. Искусство отражает настоящее, предчувствует будущее. Настоящее искусство — всегда чувство и, как таковое, оно всеобще и универсально. Грань между искусством и неискусством проходит в области чувств — произведение, оставляющее равнодушным, представляет собой графоманство, говорим ли мы о литературе или о живописи. Искусство вторгается в наше комфортное существование и запускает процесс катарсиса — после знакомства с Произведением мы должны быть чуточку, но измененными. Искусство меняет сознание.

Итак, искусство — первая форма объявления себя миру и взаимодействия с миром. Это форма универсальная, объединяющая и освобождающая. В конечном итоге, если мы говорим о людях, то между ними имеется нечто общее и это общее касается не только физиологии и отношения тела в пространстве [19, с. 12], но чувствования и стремления поделиться своими эмоциями. Искусство универсально: оно адресуется всем и не связано с какой-либо локальностью. Искусство часто вопиюще и провоцирующе: его задача вскрыть социальные язвы и обнажить человека перед ним самим, показать человеку собственную пошлость, но дать надежду, иногда даже предложить план.

Искусство многообразно: нет формы, которая была бы правильной и формы, которая была бы ложной. Есть процесс производства экзистенциальных истин, который никогда не прекращается и постоянно нащупывает. Потому искусство — враг всякой тоталитарности, а поэты — священные паразиты [13, с. 20]. Искусство — сфера для одиночек и поле деятельности изгнанников.

Искусство — это форма вторжения мысли в обыденность. Это «ночное нападение» [3] на устоявшийся порядок, на рутинность повседневности. Искусство призвано раскрыть перед читателем (в широком смысле слова) иное измерение пространства и показать поливариантность бытия. Оно помогает отталкиваться в своей мысли от чужой мысли и двигаться дальше. Искусство служит формированию самости через рефлексию и выражение этой рефлексии вовне в той или иной форме: «Вовсе не легко отыскать книгу, которая научила нас столь же многому, как книга, написанная нами самими» [10, с. 749]. Искусство — это диалог двух экзистенций: художника и читателя, каждый из которых что-то получает в процессе этого диалога, и это что-то, как минимум, касается освобождения.

Искусство — сфера свободы и требование свободы. Художник не может быть вовлечен в институции, связан с ними или транслировать их — не получится. Истинное слово приходит не от институции и даже не от сознания: «О чем писать? На то не наша воля» [11, с. 185]. Идея искусства приходит из потока неосознанного восприятия, из *пере*живания и претерпевания (А. Камю), провозглашая истину хрупкости и пытаясь нащупать основания. В этой точке искусство смыкается с философией.

4.

Если искусство — это манифестация свободы в красках и формах, то философия — это манифестация свободы в концепциях. Конечная цель любой философии (если это именно философия, а не идеология) — освобождение: освобождение индивидуальное, освобождение коллективное; избавление индивида и социума от тотализирующих практик. Отсюда

вполне адекватная оценка истинности и ложности философии, философа, интеллектуала или, в конечном итоге, субъекта — «По плодам их узнаете их» (Мф. 7:16): задача философа быть рупором свободы. Потому что бытие свободно.

Отсюда первооснова философии в субъекте. Не только потому, что философия, как ее ни пытайся повернуть, — мысль картезианская; не только потому, что бытие человека-в-мире или мира-в-человеке может рассматриваться через концепции Дж. Беркли, но и потому что задача самой философии, понятой практически, находится в освобождении индивида, т. е. в превращении человека в субъекта. Искусство преимущественно есть высказывание своей субъективности. Философия — высказывание субъективности и созидание субъекности. Философия не просто высказывает истины (всегда ли?), не просто направлена на познание, на осмысление, на объяснение, она направлена на изменение, изменение если не мира, то человека. Мы знаем, что до известного момента философы (якобы) только объясняли мир, потом некоторые из них пытались его поменять или призывали к этому, но задача философии менять не мир, а себя и тех, кто имеет уши и слышит, кто готов участвовать в философской практике, а «философская практика — это возвращение философии к своему первоначальному статусу, который она имела в античной культуре» [4, с. 39]. Философия индивидуальна и является прямым путем к субъективности. В связи с этим Власть и философия всегда оппозиционны.

В настоящее время философы говорят о кризисе. Многие философы испытывают комплекс вины за грехи, которые не совершали; многие ищут новые пути, многие ощущают тупик, пытаются нащупать основания. Но основание философии в самой способности человека к мысли. Наука занимается узким срезом мысли, философия оказывается самой идей: нематериальной формой мыслящей субстанции. Наука — способ освоения и обживания пространства, тогда как философия — попытка осмыслить бытие и вступить с ним в диалог. Поэт не властен над словом, т. к. бытие говорит за него и через него. Философ дает себе отчет в том, что произносит. Его акт высказывания более долгосрочен и работает на конструирование социальной формы. Его мысль требует целенаправленного усилия, но не исключает озарения.

В связи с этим кажется нецелесообразным искать фундамент философии вне субъекта: она служит инструментом созидания и осуществления субъективности: функция философии относительно человека остается античной — ее задача помочь индивиду очисть зерна от плевел, а именно понять, как и каким образом он мыслит, почему у него возникают именно такие мысли и насколько те мысли, которые есть в его голове — его собственные мысли? В конечном счете, философия позволяет индивиду обрести экзистенцию, перейти со стадии эстетической на этическую (С. Кьеркегор). А уже в этике раскрывается социальный аспект философии: кристаллизация себя ведет к гармонизации политики, которая в античном понимании является снятием конфликта и наиболее справедливым устроении общества — конечный итог политики: максимальное освобождение зоны личной свободы для каждого члена сообщества при выполнении им своего долга относительно Другого.

Основание любого субъекта — собственная мысль и нонконформизм, являющийся результатом внутренней свободы. Философия как практика себя учит обращать взгляд внутрь себя и уже через / из себя возвращать его миру. Если большинство людей погружены в обыденность и сиюминутность, не понимая истины, не стремясь ее ухватить, либо дистанцируясь и закрываясь от нее, то философ — этот тот, чья экзистенция является вопросом и поиском. Философ стремится уяснить универсум, культуру, но главное — стать ясным самому себе. Любые исследования философа — это исследования самого себя и постановка вопроса о самом себе. Вопроса в том срезе, который актуален именно для конкретного философа. В конечном итоге, философия — это рациональное самопознание, основанное на логике и методе, что роднит ее с психоанализом, отдаляя от процедур искусства и любви, но не порывая с ними. Только цель философии, в отличие от психоанализа, заключается не в обращении к первотравме и попытке, познав себя, принять себя, а в созидании себя в соответствии с рационально выработанными и понятыми критериями. Я равно Я, но Я еще и возможность быть тем, кем хочу, Я еще и абсолютная свобода быть, но обращение к этой свободе означает обращение вовнутрь. Только наличие внутреннего мира эмансипирует человека от мира внешнего. Отсутствие внутренних богатства приводит к зависимости от Большого Другого, к перекладыванию ответственности за себя на кого-то или на что-то вне себя.

Сверхзадача философии — уничтожить Большого Другого для Я.

5.

Психоанализ может служить современной разновидностью того, что М. Фуко назвал практиками заботы о себе. Психоанализ поручает (перекладывает на плечи) эту заботу (о нас) врачу (субъекту, предположительно знающему и опытному), который должен через работу со словом, через разговоротерапию, через диалог, провести нас к самим себе, к познанию и приятию себя [14, с. 23]. И даже в случае делегирования функции познания самих себя психоаналитику, это познание оказывается именно нашей работой, т. к. психоанализ

(как в случае с ошибочными действиями, сновидениями, с ассоциациями) предполагает активность анализируемого в истолковании образа: именно анализируемый должен рассказать аналитику, что обозначает возникшее в его голове значение [14, с. 96]. Аналитик в сеансе психоанализа выступает лишь силой направляющей, подталкивающей, мотивирующей и подсказывающей; силой, владеющей методом, но не проделывающей работу. Он подобен спортзалу и фитнес-тренеру одновременно. Зачем человек приходит в зал? Он вполне может заниматься дома, но зал (место с людьми, с графиком занятий, с атмосферой, с оплатой, с символом «я хожу в/на ...») и фитнес-тренер (человек, предположительно знающий больше меня о процессе и методике тренировок) мотивируют индивида заниматься собой (я не могу не заниматься, ведь я заплатил деньги / подведу тренера / все знают, что я хожу в зал). Спортивный зал и тренер «заставляют» человека заниматься своей физической формой, они мотивируют его, что оказывается важным на первоначальном этапе для большинства решающих заняться своим телом, но столкнувшихся с проблемой нехватки знаний, проблемой неумения найти информацию, неожиданной трудностью такого, казалось бы, простого занятия, как самобилдинг.

В сущности, аналитик и анализ решают те же проблемы, только на более тонком, ментальном уровне: аналитик ведет человека к познанию им своих собственных душевных струн, собственных мотивов, состояний, привычек; наделяет его инструментами для самостоятельного анализа себя и других, если он окажется способным учеником и решит двигаться по тропе самостоятельно.

Фактически психоаналитик приходит на смену не столько духовнику, как может показаться на первый взгляд, если взглянуть на исповедальную форму терапии, сколько древнегреческому философу, который, как на это указывал М. Фуко [14, с. 134], должен был «пользовать душу» своих ближайших друзей, родственников (или, более широко, каждого встречного и поперечного, как это виделось Сократу), наставляя их в том, как заботиться о себе, посредством какой философии, каких практик (медитации, утреннего и вечернего просмотра сознания и проч.) осуществлять познание себя. Этому посвящены работы Сенеки, Марка Аврелия, Эпиктета, этим занимались Эпикур и Сократ. В этом же основная задача аналитика: помочь человеку обрести собственную историю [8, с. 27] и создать самого себя [8, с. 20]. Психоанализ оказывается длительным процессом толкований, происходящим между аналитиком и анализируемым, пока последний не узнает себя в предлагаемой интерпретации, не примет предлагаемого означивания как описывающего его самого: «Вот это точно я! Это то самое, чего я хотел/хочу! Что никак не давало мне покоя», — такой должна оказаться реакция анализируемого на анализ, такая реакция рождается из познания своего бессознательного в результате аналитических истолкований.

Психоанализ способствует возможности человека, если не освободиться полностью, то осознать влияние детерминирующих его поведение сил: ожиданий его семьи (которые он либо успешно реализует, либо страдает от того, что «не оправдал надежд», либо соревнуется с отцом etc.), влияния власти, воздействия идеологии (например, запрещающей ему заниматься каким-либо видом секса, о котором он имеет фантазии, но не смеет даже поговорить об этом со своими партнерами из-за страха социального осуждения). Психоанализ позволяет индивиду оставить «отца и матерь свою» и следовать за самим собой туда, куда его ведут собственные желания, фантазии и идеалы.

Хотя психоанализ подразумевает диалог — наличие аналитика как предположительно знающего, опытного и направляющего субъекта — он может осуществляться и на индивидуальном уровне, как индивидуальная практика самопознания. Именно как собственная практика изучения себя психоанализ и был изначально создан З. Фрейдом. Его работа по «Толкованию сновидений» (а сновидения — это главнейший столп психоанализа) явилась результатом интерпретации собственных сновидений, собственного самопознания. Психоанализ оказался вещью, созданной одним человеком для самого себя и подходящей для всех. То, что мог сделать З. Фрейд (самостоятельно проводить свой собственный анализ), может произвести любой желающий, если будет прилагать к тому время и силы. Аналитик нужен лишь для тех (и здесь опять рождается параллель с фитнес-залом и тренером), кто не обладает либо временем, либо волей, либо и тем и другим вместе. Но задача аналитика не только помочь человеку с его конкретной психологической проблемой, но привить ему привычку к аналитическому занятию собой.

Именно для этого аналитик занимается аналитической работой (толкует [8, с. 28]) вместе с пациентом, для этого отсылает анализируемого к дополнительным материалам: лекциям, книгам [14, с. 109—110]. В целом, сам Фрейд неоднократной отмечал возможность проведения самоанализа, анализа собственных мыслей, желаний и сновидений и даже наибольшую легкость проведения анализа относительно самого себя, т. к. для самого себя индивид — лицо, пользующееся абсолютным доверием.

К. Касториадис отмечает, что у психоанализа нет иной цели, кроме как помочь пациенту превратиться в субъекта [6, с. 215]. В этом ответ психоанализа на философию смерти субъекта, предполагающую, что авторов больше нет, есть только интерпретаторы. Психоанализ изучает человеческую личность и посвящен

целиком ее проблематике. Он крайне индивидуален. Можно сказать, что психоанализ отрицает всякую биологическую обусловленность [14, с. 25] в человеке и работает целиком с его лингвистическим Я, с его идеальной структурой, его cogito, которое, согласно Декарту, только и являет собой человека.

Вместе с тем психоанализ нивелирует власть человека над самим собой, его субъективность, относя душевные процессы (чувствование, мышление, желания) к области бессознательного [14, с. 25—26]. Сознательные действия человека оказываются лишь частным явлением и представляют собой верхушку айсберга его психической сущности. Однако для субъекта введенное Фрейдом структурное деление психики представляется не имеющим большого значения, т. к. субъект должен познать себя, свое бессознательное и научиться с ним жить, взаимодействовать, управляться.

Индивид, согласно Фрейду, управляется первоначально влечениями, стремлением к удовольствию, обозначаемому через сексуальность. Социализация индивида происходит за счет отказа им от удовлетворения своих личных влечений в пользу общества [14, с. 26—27]. Принципиально важной в наследии Фрейда оказывается его тридцать первая лекция [14, с. 496—517], посвященная разделению психической личности. В лекции Фрейд кратко рассматривает структуру личности, как взаимодействие трех сфера: Оно, Я, Сверх-Я. При этом для личности, с точки зрения Фрейда бессознательными оказываются, в значительной степени, не только Оно, но и часть Я, и Сверх-Я.

С точки зрения Фрейда Сверх-Я — это совокупность всех тех требований (через любовь и наказание (и самое страшное наказание — потеря любви)), которые предъявляют ребенку родители, которые, как сказал бы Лакан, и вводят его (Отец) в символическое пространство. Родители, воспитатели, учителя, идеальные примеры постепенно перерастают в Я-идеал (и в этом смысле снова удачно выразился Лакан, отмечая, что желание субъекта всегда желание Другого), а затем и вовсе абстрагируются, теряют корни, превращаются в совесть, нормы морали, личные языковые/мыслительные паттерны, благодаря которым человек выстраивает свое поведение. Что, как и когда было в нем заложено, он может не осознавать. Это может быть скрыто. И его желание ему не принадлежит. Так же, как и часть его Я в своих базовых основаниях. Казалось бы, субъект исчезает, расщепляется и не существует, о чем так радостно говорили литература, философия и кинематограф после Фрейда.

Но сам Фрейд остался более верен Просвещению. Указав на проблемную часть формирования индивида, на его изначальную расщепленность, он же указал и лекарство: психоанализ, цель которого заключается в том, чтобы «как раз укрепить Я, сделать его более независимым от Сверх-Я, расширить поле его восприятия и так выстроить его организацию, чтобы оно могло освоить новые части Оно». И главная формула, к которой Фрейд сводит цель психоанализа (о чем никогда не следует забывать): «Где было Оно, должно стать Я» [14, с. 517].

6.

Любовь — еще одна из практик субъективации, про(пере)живаемой индивидом преимущественно на бессозанательном, эмоциональном уровне, но имеющей огромное созидательное значение, в том числе и в попытке субъекта рационализировать себя и мир. Переживание любви — это наиболее сильный катарсис, который человек проходит в своей жизни, который на определенном этапе позволяет ему по-новому посмотреть на себя и на Другого, раскрывает внутренние резервы, часто задает дальнейший вектор всей жизни, значительно влияя на мироощущение и картину мира. Способность к любви оправдывает существование человека.

Жизнь общества потребления, жизнь ради потребления, любая жизнь, кроме жизни ради познания и любви — это жизнь тупиковая. Ницше и Камю были правы: оправдание универсума находится только в эстетике. Именно в эстетике располагается истина этого мира, позволяющая нам жить, призывающая нас жить, требующая от нас жизни — положить жизнь на улучшение себя и мира. Эстетика — эта та истина, которую не учел Бадью (хотя писал об инэстетике), но которая объединяет все его четыре процедуры истины: матему (что может быть изящнее и гармоничнее формулы?), поэму (или музыкальности, образности и ритмики стихотворения?), любовь и политику (расширение любви из личного в социальное с попыткой улучшить жизнь многих). Эстетика объединяет все четыре процедуры, но основывается на любви. В конечном счете, жизнь без любви мертва. В ней нет ни задора, ни ощущения, ни движения. В жизни без любви только сухость. Жизнь без любви пустынна и бесплодна, ее почва остается такой же неплодородной, как почва Сахары. Такая жизнь не дает плодов. Любовь должна быть, даже если она не раскрывается в образованной паре. Она должна находиться в сердце и вдохновлять. Стендаль писал о любви в своих романах. Писал о той любви, которую искал, которую хотел пережить. Флобер следовал его примеру: «Мадам Бовари — это я», — говорил он, а мадам Бовари грезила о глубоком чувстве. Данте и Петрарка любили своих Прекрасных дам. По их стопам шел Блок. Лермонтов скрежетал зубами. И кем бы был Гюго без своей Жюльетты, посвятившей ему жизнь? О чем писала бы Ахматова, переживая свои немногочисленные страсти в многочисленных стихах? Любовь оправдывает мир

и наполняет его эмоциями, заполняет смыслом. Мы не всегда способны любить так, как того требует Любовь: у нас есть свое Я и оно мешает полностью отдаться Другому. Мы боимся стать идиотами. Мышкин в нас остается мышкой, он страшится выглянуть наружу. Нас с детства научили молчанию. Но постичь искусство любви и обрести с кем-то полностью разделяемое единство, построить на этом жизнь и прожить ее одним целым, умереть вместе от случившейся синхронизации душевных и физических сил — вот то, к чему следует стремиться: чтобы двое стали метафизическим, диалектическим целым: разные онтически, имели онтологическую общность духа. В этом истина любви и, собственно, единственная истина в мире. В конце концов, все тщетно и преходяще, все «суета сует». Все, кроме любви. Обретя вторую половину, мы обретаем гармонию и целостность, мир перестает быть страшным, исчезает экзистенциальная тревога, появляется смысл. Любовь учит на ответственности за Другого (у Достоевского этот Другой слишком обширен).

Сартр считал, что взгляд и ответ Другого угрожают нам и порождают в нас тревогу. Он был лишь частично прав: взгляд и ответ Другого оправдывают нашу жизнь и придают ей ценность. Зацикленные в эгоизме, мы никогда не выберемся в нирвану. Сартр был слишком зациклен на себе, на отрицании собственной физиологии, на самоненависти. Камю удалось нащупать ответ оправдания жизни. И этот ответ художника и поэта (Камю все же поэт, хоть он и прозаик) был более удачным, чем его рассуждения в эссе «Миф о Сизифе». Жизнь на зло — слабое утешение, оправдание слабых. Но от «чумы» (А. Камю) абсурда избавляет любовь. «Я не хочу жить в мире, где нет места нежности», — говорит герой фильма «Одинокий мужчина» (Т. Форд, 2009).

Трагичным моментом жизни является не столько одиночество (его можно пережить, и оно даже благотворно), а бытие-без-Другого, когда мы в Другом готовы раствориться, когда Другой оказывается (признается нами) частью нас самих. Бытие-в-себе, бытие-для-себя, но мы полностью раскрывается, только когда оказываемся в ситуации бытия-для-другого, в ситуации, которая мобилизует наши силы, заставляет нас действовать и реализовывать потенции, которые в ином случае спокойно бы спали: мы хотим нравиться, мы хотим заботиться, а *через это мы совершенствуем себя*. Ситуация одиночества — это ситуация цикла, ситуация отрешенности, ситуация дзена.

Бытие-для-Другого (я говорю, конечно, об эросе, любви индивидуальной, но это может быть и агапэ — любовь политическая) дает нам страсть, действие, смысл, эмоции, приводит к появлению какого-то продукта: от человеческой драмы до драмы художественной. Бытие-для-Другого важно для нас, так как позволяет нам творить и преобразовывать.

В конечном счете, любовь — это еще один способ открывать истину о себе и пытаться услышать бытие. Все четыре процедуры самоконституирования — искусство, философия, психоанализ, любовь — это способы услышать и понять то, во что мы помещены, кто мы есть, и научиться управлять собой, научиться понимать себя и управлять собой, реализуя собственный проект. Выстроить Я и следовать Я — вот задача человека в мире.

---

1. Акунин Б. Не прощаюсь: приключения Эраста Фандорина в XX веке. Ч. 2. М. : Захаров, 2018. 416 с.

2. Бадью А. Манифест философии. СПб. : Machina, 2003. 184 с.

3. Бадью А. Тезисы о современном искусстве. URL: http://vcsi.ru/files/badiu_tezisy.pdf (дата обращения: 06.08.2018).

4. Борисов С. В. Философская практика как средство оптимизации качества жизни в мире повседневности // Образование и качество жизни. 2017. № 4 (06). С. 39—43.

5. Войнич Э. Овод. Л. : Лениздат, 1975. 278 с.

6. Декомб В. Дополнение к субъекту: исследование феномена действия от собственного лица. М. : Новое литературное обозрение, 2011. 576 с.

7. Жижек С. 9 цитат из беседы Славоя Жижека с читателями The Guardian. URL: https://special.theoryandpractice.ru/zizlek (дата обращения: 05.08.2018)

8. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М. : Гнозис, 1995. 192 с.

9. Моруа А. Открытое письмо молодому человеку о науке жить. Искусство беседы. М. : АСТ, 2017. 224 с.

10. Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. Т. 1. Литературные памятники. М. : Мысль, 1990. 829 с.

11. Рубцов Н. Стихотворения (1953—1971). М. : Сов. Россия, 1977. 240 с.

12. Сартр Ж.-П. Дороги свободы. М. : АСТ, 2015. 976 с.

13. Уэльбек М. Очертания последнего берега. М. : АСТ : CORPUS, 2016. 464 с.

14. Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ и Новый цикл. М. : Фирма СТД, 2006. 607 с.

15. Фуко М. Герменевтика субъекта : курс лекций, прочит. в Коллеж де Франс в 1981—1982 учеб. году. СПб. : Наука, 2007. 677 с.

16. Фуко М. О начале герменевтики себя // Логос. 2008. № 2 (65). С. 65—95.

17. Фуко М. Технологии себя // Логос. 2008. № 2 (65). С. 96—122.

18. Штирнер М. Единственный и его собственность. Харьков : Основа, 1994. 560 с.

19. Эко У. Пять эссе на тему этики. СПб. : Симпозиум, 2005. 158 с.

References

1. Akunin B. (2018) Ne proshhajus': Prikljuchenija Jerasta Fandorina v XX veke. Ch. 2. Moscow, Zaharov, 416 p. [in Rus].
2. Bad'ju A. (2003) Manifest filosofii. Sankt-Petersburg, Machina, 184 p. [in Rus].
3. Bad'ju A. Tezisy o sovremennom iskusstve. Available at: http://vcsi.ru/files/badiu_tezisy.pdf, accessed 06.08.2018 [in Rus].
4. Borisov S.V. (2017) *Obrazovanie i kachestvo zhizni*, no. 4 (06). pp. 39—43. [in Rus].
5. Vojnich Je (1975). Ovod. Leningrad, Lenizdat, 278 p. [in Rus].
6. Dekomb V. (2011) Dopolnenie k sub#ektu: Issledovanie fenomena dejstvija ot sobstvennogo lica. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 576 p. [in Rus].
7. Zhizhek S. 9 citat iz besedy Slavoja Zhizheka s chitateljami The Guardian. Available at: https://special.theoryandpractice.ru/zizlek, accessed 05.08.2018 [in Rus].
8. Lakan Zh. (1995) Funkcija i pole rechi i jazyka v psihoanalize. Moscow, Gnozis, 192 p. [in Rus].
9. Morua A. (2017) Otkrytoe pis'mo molodomu cheloveku o nauke zhit'. Iskusstvo besedy. Moscow, AST, 224 p. [in Rus].
10. Nicshe F. (1990) Sochinenija: v 2 t. T. 1. Literaturnye pamjatniki. Moscow, Mysl', 829 p. [in Rus].
11. Rubcov N. (1977) Stihotvorenija (1953—1971). Moscow, Sovetskaya Rossija, 240 p. [in Rus].
12. Sartr Zh.-P. (2015) Dorogi svobody. Moscow, AST, 976 p. [in Rus].
13. Ujel'bek M. (2016) Ochertanija poslednego berega. Moscow, AST, CORPUS, 464 p. [in Rus].
14. Frejd Z. (2006) Lekcii po vvedeniju v psihoanaliz i Novyj cikl. Moscow, Firma STD, 607 p. [in Rus].
15. Fuko M. (2007) Germenevtika sub"ekta: kurs lekcij, prochitannyh v Kollezh de Frans v 1981—1982 uchebnom godu. St. Petersburg, Nauka, 677 p. [in Rus].
16. Fuko M. (2008) *Logos*, no. 2 (65). pp. 65—95. [in Rus].
17. Fuko M. (2008) *Logos*, no. 2 (65). pp. 96—122. [in Rus].
18. Shtirner M. (1994) Edinstvennyj i ego sobstvennost'. Kharkov, Osnova, 560 p. [in Rus].
19. Jeko U. (2005) Pjat' jesse na temu jetiki. Sankt-Petersburg, Simpozium, 158 p. [in Rus].

For citing: Maltsev Ya.V.
Four procedures of subjectifying I-subject // Socium i vlast'. 2018. № 5 (73). P. 91—99.

UDC 101.1

FOUR PROCEDURES OF SUBJECTIFYING I-SUBJECT

Yaroslav V. Maltsev,
Tyumen State University,
The Department Chair of Philosophy,
Degree-seeking student.
The Russian Federation, 625003,
Tyumen, ulitsa Volodarskogo, 6.
E-mail: maltsevyaroslav@gmail.com

Annotation
The article offered to the readers' attention touches upon the author's theory of four generic ways of subjectifying in the context of permanent modernity: art, psychoanalysis, philosophy and love. All four ways are autonomous practices that are, nevertheless, in close connection with each other and proceeding, in the case of subjectivation, consciously: the subject is able to seize the unconscious and control the conscious, thereby directing his own self-institution.
The theoretical foundations of the article were the works of A. V. Pavlov, Z. Freud, M. Foucault, J. Lacan. The main purpose of the text is to return significance and importance to the Cartesian subject and philosophy.

Key concepts:
modernity,
permanent modernity,
subjectivity,
cartesianism,
psychoanalysis,
philosophical practice.